

Т.А. ЗАЙЦЕВА

*Санкт-Петербургская государственная консерватория
им. Н. А. Римского-Корсакова, г. Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0001-8971-7558*

Мемуары в библиотеке М.А. Балакирева: *pro et contra*

Среди документов обширного архива М.А. Балакирева едва ли не наименее изученными остаются материалы, связанные с его личной библиотекой. Еще не привлекал внимание ученых ее раздел, посвященный мемуарам. Выявить и рассмотреть эту балакиревскую подборку – цель настоящей статьи. Изучение отношения Балакирева к жанру мемуаров осуществляется на основе архивных документов, сведений из опубликованной и неопубликованной переписки, обнаруженных книг и брошюр, принадлежавших композитору. Выясняются причины отсутствия такого рода трудов в наследии самого главы «Могучей кучки». Выделяются методы и подходы, которыми руководствовался композитор, наставляя своих учеников и коллег, обращавшихся к биографическим очеркам и воспоминаниям.

Проведённые изыскания позволяют расширить представление о взаимоотношениях М.А. Балакирева и его современников – М.И. Глинки, А.И. Дюбюка, А.П. Бородин, Н.А. Римского-Корсакова. Впервые вводимое в научный обиход письмо Балакирева к С.М. Ляпунову проливает свет на оценку стареющим Мастером «Летописи моей музыкальной жизни» Римского-Корсакова, заодно объясняя, почему эти мемуары не вошли в балакиревское собрание.

Новые сведения способны пополнить биографию создателя Новой русской школы, а также вносят определенную лепту в проблему изучения личных библиотек музыкантов, остро нуждающуюся в дальнейшей разработке.

Ключевые слова: Балакирев, Глинка, Бородин, Римский-Корсаков, Дюбюк, мемуары, автобиографии, личные библиотеки.

Для цитирования / For citation: Зайцева Т.А. Мемуары в библиотеке М.А. Балакирева: *pro et contra* // Проблемы музыкальной науки / Music Scholarship. 2023. № 2. С. 41–57. DOI: 10.17674/2782-3601.2023.2.041-057. EDN: QMZFRL.

TATYANA A. ZAITSEVA

*Saint Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory, Saint Petersburg, Russia
ORCID: 0000-0001-8971-7558*

Memoirs in the Library of M.A. Balakirev: Pro et Contra

Among the documents of M.A. Balakirev's vast archive, the materials related to his personal library remain perhaps the least studied. The section devoted to memoirs has not yet attracted the attention of scholars. To identify and consider this Balakirev selection is the purpose of this article. The study of Balakirev's attitude to the genre of memoirs is carried out on the basis of archival documents, information from published and unpublished correspondence, discovered books and

brochures that belonged to the composer. The methods and approaches that the composer was guided by, instructing his students and colleagues who turned to biographical sketches and memoirs, are highlighted. The conducted research allows us to expand the understanding of the relationship between M.A. Balakirev and his contemporaries – M.I. Glinka, A.I. Dyubyuk, A.P. Borodin, N.A. Rimsky-Korsakov. For the first time, Balakirev's letter to S.M. Lyapunov, introduced into scientific use, sheds light on the aging Master's assessment of Rimsky-Korsakov's Chronicle of My Musical Life, at the same time explaining why these memoirs were not included in the Balakirev collection. New information is able to replenish the biography of the creator of the New Russian School, and also make a certain contribution to the problem of studying the personal libraries of musicians, which is in dire need of further development.

Keywords: Balakirev, Glinka, Borodin, Rimsky-Korsakov, Dubuc, memoirs, autobiographies, personal libraries.

*«Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?»
Ф.И. Тютчев*

В обширной и разножанровой литературе о М.А. Балакиреве нет, быть может, самых востребованных широким читателем материалов – воспоминаний и дневников композитора. Казалось бы, почему? Жизнь этого большого разностороннего музыканта, деятеля культуры мирового масштаба была так насыщена самыми разными событиями и людьми! При его-то феноменальной памяти ему было о чём рассказать. Балакирев – не только свидетель, но и один из творцов чуть ли не полувековой истории музыкальной России, которая подчинила себе и его судьбу. Композитор мог дать собственный комментарий к своим и «чужим» произведениям, к музыкальной жизни той поры, предоставить возможность современникам и потомкам увидеть происходившее его глазами, а заодно расквитаться с недоброжелателями, расставив все точки над *i*. Ведь он на собственной коже изведаль, каково это – вступать в противоборство с веком, со сложив-

шимися привычками и устоями, год за годом испытывать противостояние, неся на своих плечах заботы о новом, рождённом и выпестованном им стилевом направлении в искусстве – «Могучей кучке», переросшей в Новую русскую школу.

Казалось, эта тема сама должна была неотступно преследовать Балакирева, требуя воплощения. Однако она мелькнула лишь однажды, модулируя в жанр литературного портрета. Речь шла о Глинке. Откликаясь на просьбу Н.Ф. Финдейзена рассказать о своих встречах с автором «Руслана», Балакирев заметил: «Обо всём этом я, может быть, и соберусь когда-нибудь написать» [25, стб. 862]. Но – так и не собрался. Краткие заметки-тезисы – вот всё, что он счел нужным поведать о драгоценном общении с «отцом русской музыки» (выражение Балакирева) в письме к Финдейзену от 3 октября 1903 года [25, стб. 861–862].

Также поступил учитель и по отношению к ученикам «первого призыва», ушедшим в мир иной – А.П. Бородину, М.П. Мусоргскому. В письмах к В.В. Стасову, готовившему биографические очерки о них¹, Балакирев кратко изложил скупые факты, касающиеся его творческого диа-

¹ Очерки эти дополнили библиотеку Балакирева. Они значатся в обнаруженном нами «Каталоге книг М.А. Балакирева», составленном Ю.С. Ляпуновым: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее ОР РНБ), ф. 1141, ед. хр. 70. № 478, 485

лога с подопечными. И каждая крупица такого свидетельства наставника на вес золота. Ведь о сути педагогического метода главы кружка мы знаем до обидного мало, хотя «Могучей кучке» посвящены специальные разделы в монографиях и воспоминаниях, целый ряд обстоятельных статей, наконец – несколько содержательных книг и диссертаций.

Широко же распространенные мемуары, претендовавшие на достоверность, в глазах Балакирева, похоже, не имели особой цены: вероятно, композитор не слишком доверял им. Известно, как «воспоминатели» не договаривают, ошибаются, вольно или невольно приукрашивают или, напротив, преуменьшают роль одних и других участников описываемых событий, желая выставить себя в выгодном свете и вписать в вечность. Претензии такого рода, к сожалению, можно предъявить многим авторам мемуаров. Однако неувядаемая популярность этого литературного жанра, порой граничащая с модой, объясняется тем, что есть у него другая, привлекательная сторона: возможность хранить живые черты людей ушедших эпох, «бросить неожиданный свет на известные характеры и доступ к которым затруднен», по определению Марселя Пруста [цит. по: 12, с. 456]. Поэтому Балакирев всё-таки не отвергал мемуары как таковые. Более того, композитор не только настоял на том, чтобы А.И. Дюбюк написал воспоминания о Джоне Филде, но еще и опекал ход этой работы. «Насчет воспоминаний о Фильде, – делился своими планами Дюбюк в письме Балакиреву от 21 мая 1888 года, – я постараюсь нынешним летом сделать наброски и сообщу их Вам и буду придерживаться Ваших советов» [18, с. 311]. Неудивительно, что

Дюбюк посвятил свои «Воспоминания о Джоне Фильде» Балакиреву. Тем более что Милию Алексеевичу пришлось ещё и хлопотать об их издании: через его руки мемуары эти пришли к читателю. Они были опубликованы после смерти Дюбюка в журнале «Книжки недели» за 1898 год (декабрь). Три экземпляра их оттисков Балакирев сохранил в своей библиотеке (№ 147)² – вероятно, не только для себя, но и для передачи другим, ибо он высоко ценил постулаты филдо-дюбюковской фортепианной школы.

По выходе «Воспоминаний» в свет между Стасовым и Балакиревым разгоралась полемика вокруг вопроса о роли и значении Филда в истории музыки. Это лишь подтвердило важность появления публикации, в которой с таким сердечным теплом и правдивостью раскрыт поэтический мир ирландского музыканта, стоявшего у истоков отечественной фортепианной школы.

Дюбюковские «Воспоминания о Джоне Фильде», в которых столь деятельное участие принял Балакирев, проливают свет и на его представления о том, каким должен быть этот жанр. Сбереечь ценности прошлого, восстановить справедливость, историческую правду – вот главные принципы Мастера, нередко курировавшего создание воспоминаний и биографических штудий коллег и учеников, как правило, опиравшихся еще и на документальные материалы. Эти принципы легли в основу его отбора мемуаров в личное собрание.

Судя по составу балакиревской библиотеки, её владельца не слишком привлекали описания далёкого прошлого, запечатлевшие «те баснословные года» (Александр Блок). Поэтому ни многостраничных исторических хроник, ни получивших извест-

² Здесь и далее номера приведены, согласно «Каталогу книг М.А. Балакирева», составленному Ю.С. Ляпуновым: ОР РНБ, ф. 1141, ед. хр. 70.

ность беллетризованных мемуаров писателей у Балакирева не нашлось. Зато он обзавелся издававшимся Ф.М. Достоевским «Дневником писателя» за 1876 год, № 1 (№ 138). Не имея аналогов в литературе, этот труд представлял собой *дневник современной жизни*, какой её увидел гениальный прозаик-соотечественник. Действительность – вот, что вызывало жгучий интерес композитора. В этой связи в круг чтения Балакирева, в первую очередь, входили воспоминания о его современниках самых разных званий. Композитор явно предпочитал читать воспоминания о других, дорогих ему людях, с которыми был связан многолетней сердечной дружбой: о лейбмедице С.П. Боткине [24, № 465], об отце Иоанне Кронштадтском [20, № 312], позднее причисленном к лику святых (причем Балакирев сохранил два экземпляра последней статьи).

Вероятно, стремлением постигнуть глубже жизнь современной России, чаяния и заботы россиян продиктован интерес музыканта к представителям разных профессий. Вот почему балакиревское собрание включило воспоминания Г.Н. Преображенского о первой начальнице Ярославского женского духовного училища Е.П. Шипиловой [22, № 369] наряду с «Исповедью» изобретателя Н.Д. Булыгина [4, № 70].

Тем не менее, особое внимание Балакирев уделил собратьями по музыкантскому «цеху» и прежде всего, материалам, посвящённым Глинке. Сделав необыкновенно много для увековечения памяти о Мастере, для популяризации его бессмертной музыки, Балакирев следил и за тем, как о жизни и творчестве композитора говорилось в печати, в том числе авторами воспоминаний. Одно из доказательств тому – сохранённые музыкантом в своём собрании четыре экземпляра 11-го номера журнала С.Н. Шубинского «Исторический

вестник» за 1886 год (№ 183), где публиковалась мемуарная литература. Балакирева заинтересовала напечатанная здесь статья Стасова «Памяти М.И. Глинки. По случаю 50-летнего юбилея “Жизни за царя”», вышедшая ещё и отдельным оттиском. Это подтверждает переписка: «Дорогой Бах! – обратился Балакирев к Стасову 15 июня 1887 года. – Очень прошу Вас немедленно выслать экземпляра два или три Вашей брошюры по поводу юбилея “Жизни за царя”. Очень нужно» [3, с. 110]. Стасов ответил на следующий день: «Людмила Ивановна дала мне, в ноябре, не более 10–12 экземпляров брошюры о *Глинке* (напечатанных отдельно на её собственный счет). Я все их тотчас раздал, и больше у меня не осталось. Разве осталось у неё?» [3, с. 110]. Очевидно, этих брошюр не оказалось и у Шестаковой, поэтому Балакирев воспользовался четырьмя экземплярами журнала с нужной ему статьёй.

Сохранил композитор и два экземпляра другой брошюры Стасова «Памяти М.И. Глинки. По поводу 50-летия “Руслана и Людмилы”. 1842–1892», представлявшей собой оттиск из того же «Исторического вестника» за ноябрь 1892 года (№ 484).

Глинкинский шедевр был возобновлен на сцене Мариинского театра точно в тот день, когда исполнилось 50 лет со дня премьеры – 27 ноября. Двумя днями ранее это событие отметила Придворная певческая капелла (вероятно, чтобы дать возможность публике побывать на всех чествованиях создателя оперы): 25 ноября в зале Капеллы силами её учащихся состоялся концерт из произведений Глинки под символическим названием «Золотая свадьба Руслана и Людмилы». Устроители сочли необходимым ещё и пояснить непреложность участия Капеллы в юбилейных торжествах. Об этом повествовала небольшая брошюра «Михаил Иванович Глинка

в Придворной Капелле», специально выпущенная к концерту [19].

И то, и другое выделил в художественной жизни Петербурга Финдейзен, оставив примечательную запись в своем дневнике за 1892 год:

«26 ноября. Вчера, в среду 25-го ноября, в зале Певческой капеллы состоялся концерт в память Глинки, составленный исключительно из его произведений. Мы были на хорах. <...> Вместе с афишей продавалась и отдельная брошюрка, составленная кратко, но толково:

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ

ГЛИНКА

в

Придворной Капелле

Сбор шёл (как и с концерта) в пользу немущих учеников инструментального класса Капеллы. Идея, как и самый концерт, действительно симпатична. В брошюре интересны два письма: Глинка с отказом от должности и ответ Львова. Также важны точные даты» [26, с. 110].

Брошюрку эту, ставшую библиографической редкостью, не упомянутую в «Каталоге» Ю.С. Ляпунова, удалось разыскать. Причем на бумажной обложке красовался штамп: «Изъ книгъ М.А. Балакирева»³. Неудивительно, что композитор, в ту пору управляющий Капеллой, её сберег: наверняка он и был инициатором этих творческих акций.

Балакирев явно направлял мысль и перо автора брошюры, оставшегося неизвестным. Думается, Милий Алексеевич и выдвинул эту тему (кстати, до сих пор остающуюся едва ли не наименее разработанной в глинкиане), ибо ему было важно подчеркнуть, что Глинка оставил важный след как в истории Капеллы, так и в развитии духовной ветви русской музыки. Об этом повествуется в начале брошюры: «Если па-

мять о творце русской школы музыки дорога каждому истинно русскому человеку, то в особенности она драгоценна Императорской Придворной Капелле, которая может гордиться тем, что в числе лиц, принимавших близкое участие в развитии музыкального в ней дела, может считать и этого гениального творца опер “Жизнь за царя” и “Руслан и Людмила”, состоявшего в течение немногих лет капельмейстером хора придворных певчих» [19, с. 3–4]. Разве мысль и особая приподнятость слога не выдают Балакирева? Как и оценка Херувимской: «В композиторской сфере пребывание его (Глинки. – Т.З.) в Капелле ознаменовалось сочинением “Херувимской песни”, остававшейся без всякого употребления со стороны тогдашних вожаков церковных хоров и почитавшейся даже никуда негодной; но после того как известный музыкальный издатель П.И. Юргенсон ее напечатал, высокие достоинства её были признаны, и она сделалась украшением хорового духовного репертуара» [19, с. 13]. Тем более что Балакирев, судя по его переписке с издателем, и передал для публикации духовные песнопения Глинки⁴. Как следует из первых фраз брошюры, она была приурочена к пятидесятилетию со дня первой постановки «Руслана и Людмилы». И эта подробность обращает нас к Балакиреву, предпочитавшему соотносить дни и годы с летописью истории музыки и, в особенности, – с «трудами и днями» Глинки. При всей своей лаконичности брошюра включила публикацию документов, что выделил Финдейзен. Обратил внимание критик и на точность датировки событий. Всё это типично для Балакирева – наставника целого ряда авторов биографических штудий. Наконец, характерно напечатанное на обложке пояснение: «продаётся

³ Обнаруженная нами брошюра хранится в Кабинете рукописей Российского института истории искусств (далее КР РИИИ), ф. 13, оп. 1, ед. хр. 29.

⁴ Подробнее об этом см.: [11, с. 49–50].

в пользу неимущих учеников инструментального класса Придворной Капеллы». Не Балакирев ли, предпочитавший не обнаруживать свою благотворительную деятельность, и был автором или, во всяком случае, деятельным соавтором того, кому поручил составление этой брошюры?..

Специальный интерес Балакирева вызывали и традиции исполнения музыки Глинки. Об этом свидетельствует оттиск из журнала «Русская старина» за 1880 год (т. 27, март) с воспоминаниями «По поводу 500-го представления “Жизни за царя” 27 ноября 1879 г.» (№ 346), написанными А.Я. Петровой, одной из лучших исполнительниц партии Вани. Быть может, Балакирев ознакомился и с опубликованными в этом журнале посмертно «Автобиографическими записками» Г.Я. Ломакина (1886, т. 49, кн. 3, т. 50, кн. 5–6, т. 51, кн. 8), а также «Воспоминаниями (1829–1889)» А.Г. Рубинштейна (1889, ноябрь).

Композитор сберёг брошюру и глубоководной им Л.И. Шестаковой «Былое М.И. Глинки и его родителей» [29, № 618]. Причем, тоже в двух экземплярах – очевидно, не только для себя, но и для подарка другим. Тем более должны были заинтересовать Балакирева мемуары самого бесценного наставника. В самом деле, «Записки. 1804–1854» Глинки [6, № 123]⁵полнили библиотеку музыканта, несмотря на испытанное им разочарование. Вот, что он написал по этому поводу Стасову 9 августа 1878 года:

«Глинка и письмо его к Кукольнику о Берлиозе, сочинения которого навели его на мысль об “Испанских увертюрах”, останется важнейшим его литературным памятником, так как только из него и виден в нем серьезный первосортный артист. В мемуарах же у Глинки отношения к му-

зыке высказывались только весьма поверхностные, и бросается в глаза *отсутствие рассуждений о музыке*» [2, с. 305–306].

Глубина мысли о любимом искусстве служила Балакиреву мерилom в его оценке документальных материалов музыкантов, включая их мемуары. Поэтому композитор «Запискам» Глинки предпочел его письма. Кроме того, эпистолярный жанр, фиксирующий мгновенную реакцию пишущего на происходящее, сулил возможность куда более точно и правдиво, нежели мемуары, воскрешать прошедшее. И разве мог композитор, буквально боготворивший Глинку, высоко ценивший его письма, обойтись без них? Конечно, в балакиревскую библиотеку вошло Полное собрание писем Глинки, собранное и изданное Финдейзенom [21, № 353].

Однако и публикаций «почтовой прозы» у Балакирева отыскалось немного. В их числе – том на польском языке с перепиской Шопена [32, № 199]. Причем, Милий Алексеевич и к этому документальному жанру, как и к мемуарам, относился по-своему. Яркий пример тому – избранные письма Бородинa, входившие в биографические работы Стасова о композиторе. Согласно сведениям из «Каталога» Ю.С. Ляпунова, в библиотеке Балакирева имелось два экземпляра стасовской брошюры «А.П. Бородин» (СПб., 1889. № 478)⁶. Исходя из даты издания, её точное название – «Александр Порфирьевич Бородин. Его жизнь, переписка и музыкальные статьи». Не ошибся ли Ляпунов, вписав 1889 год? Или Балакирев обзавелся двумя разными изданиями этого труда? Ныне в НИОР НМБ СПбГК хранится ранний вариант работы Стасова, озаглавленной почти так, как значится в «Каталоге»: «Александр Порфирьевич Бородин»

⁵ Книгу, внесенную в «Каталог» Ю.С. Ляпунова, удалось разыскать: ОР РНБ, ф. 41, оп. 1, ед. хр. 557. [7]

⁶ Научно-исследовательский отдел рукописей Научной музыкальной библиотеки Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова (далее НИОР НМБ СПбГК).

(СПб.: типография А.С. Суворина, Эртелев пер., д. 11-2, 1887)⁷. Судя по дарственной надписи, брошюра эта была подарена автором, который указал на обложке: «Милю от В.С. 5 апреля 87». В свою очередь, композитор не только снабдил книгу штампом «Изъ книгъ М.А. Балакирева», но и внес свои поправки, вписав на страницах 31–32 не пропечатанный текст.

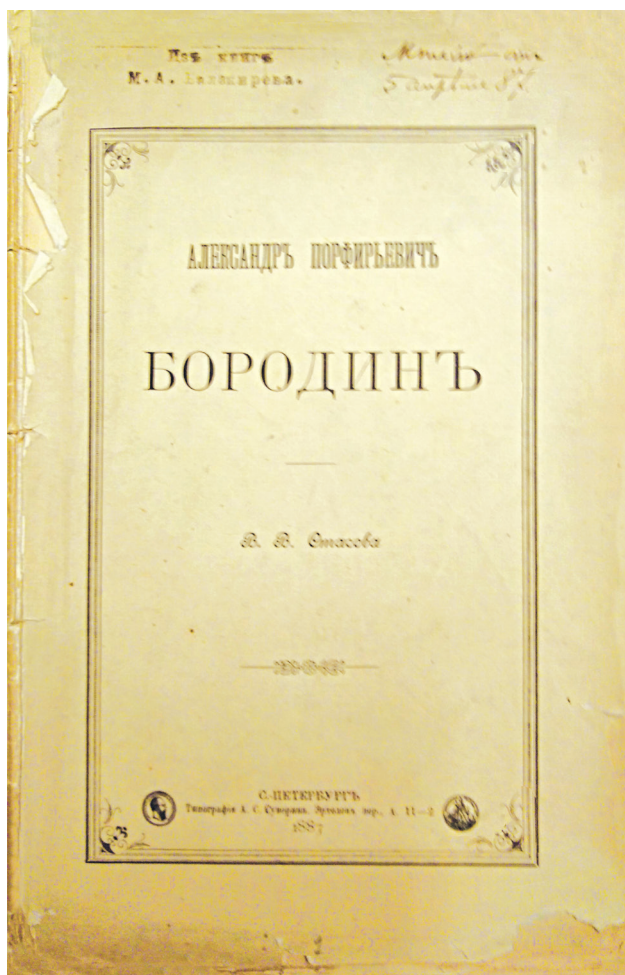

Рис. 1. Обложка брошюры В.В. Стасова. Надпись сверху слева: «Из книг М.А. Балакирева», справа – «Милю от В.С. 5 апреля 87»⁸

А вот письма Бородина Балакирев, по его признанию на музыкальном вечере у Пыпиных 30 апреля 1891 года, не прочел, и всё «как-то не решается этого сделать. Ему возражали, что в них есть много интересного, связанного с Листом. Балакирев

отвечал: “Знаю всё это хорошо из личных его рассказов и воспоминаний. Наконец, я слишком живо и хорошо помню и знаю самого Бородина и потому-то, собственно, и не решаюсь читать о нем”» [17, с. 391]. Что же, не читать – не рисковать. Вероятно, Балакирев опасался, что воссоздаваемый перепиской портрет Бородина не вполне совпадёт с тем образом, который продолжал жить в сердце учителя и был ему бесконечно дорог.

И всё-таки спустя какое-то время Балакирев, похоже, решился прочесть письма ученика, ибо страницы в брошюре 1887 года разрезаны все. Более того, композитор откорректировал примечание Стасова к письму, адресованному К.С. Бородиной от 3 июля 1877 года. Критик указал: «“Клеваньями” прозвал Мусоргский оригинальные ходы широкими интервалами, *pizzicato*, в 1-й части и в финале 1-й симфонии Бородина». Балакирев зачеркнул «1-й части», поставил рядом вертикальную черту фиолетовыми чернилами и ниже вписал: «скерцо»⁹.

Главное же, думается, заключалось в том, что ни воспоминания, ни письма не могли поколебать сложившихся отношений Балакирева с дорогими ему людьми, которые не кончались с их уходом в мир иной. В результате композитор обнаруживает нечто сходное с позицией Гёте, утверждавшего:

«Я не признаю воспоминаний в вашем понимании этого слова. По мне, они ничего не значат. Все великое, прекрасное, примечательное – о нем мы не вспоминаем, оно мгновенно овладевает нами и, навечно сливаясь с нашей сутью, порождает в нас лучшее «Я» и, постоянно обновляясь, продолжает жить в наших душах. Нет такого прошлого, о котором стоило бы печалиться. Существует лишь вечно-новое,

⁷ НИОР НМБ СПбГК. № 8651.

⁸ Надписи приводятся в современной орфографии.

⁹ НИОР НМБ СПбГК, № 8651. С. 41.

образующееся из разросшихся элементов былого. Достойная тоска по иному должна стремиться к созданию чего-то лучшего» [30, с. 70].

«Достойная тоска по иному», очевидно, порождала у Балакирева множество внутренних преград при мысли о собственных воспоминаниях, к написанию которых композитора не однажды подталкивали современники. Вот что он говорил в ответ: «<...> О себе писать – больно это для меня скучно и неинтересно, уж лучше я займусь своей музыкой» [28, с. 70].

Труд прозаика Балакирев не считал своим, потому собственное перо называл «нелитературным» (тем не менее, заметим переключку с Е.А. Баратынским, называвшим свой карандаш «неискусным»!). У главы Новой русской школы всё или почти всё ушло в музыкально-поэтическую мысль, которая пронизывала не только многоликое творчество Мастера, но и устремлялась к трудам его учеников и последователей в России и за её пределами. В этих трудах и заботах – сердцевина жизни Балакирева, его восприятий и оценок. Вот почему о себе писать он не стал.

Тому можно найти и другие объяснения. Балакирев всегда подчёркивал заслуги других, оставляя свое участие в тени. Как гневно он возразил Стасову, справедливо упоминавшему в печати о балакиревском «огромном влиянии на новую нашу музыкальную школу», включая Н.А. Римского-Корсакова [3, с. 148], который был «любимцем» главы кружка: «<...> Если я имел на кого-либо влияние, то предоставляю им самим об этом свидетельствовать, а я не желаю уподобляться ржаной каше, себя восхваляющей. Ни в отношении Мусоргского, ни в отношении Бородина я, сколько помню, не сообщал Вам данных для доказательства моего „огромного влияния“, а скорее напротив: старался своими сообщениями умерить Ваш

чрезмерный пыл, односторонне направленный» [3, с. 149].

Не считал ли глава «Могучей кучки», что, если и следовало писать, то, в первую очередь, не о себе, а обо всём композиторском содружестве, о Бесплатной музыкальной школе? И разве такие воспоминания не должны были бы вылиться в совместное творчество «кучкистов»? Неужели Балакирев, с отроческих лет окружённый закадычными товарищами, сплотивший «Кучку», предпочитавший в творческом общении «живой спор», должен был в одиночку фиксировать былое и думы? Прав Осип Мандельштам: «Вспоминать – *идти одному* (выделено мной. – Т.З.) обратно по руслу высохшей реки» [16, с. 69]. Здесь примечательна и другая подробность в наблюдении поэта: вспоминать – идти не только одному, но ещё и *обратно*, то есть в прошлое. Для Балакирева, устремлённого в *будущее*, это означало ломать свой душевный уклад. Поэтому не оставил он и дневников, автор которых, по наблюдению Л.Я. Гинзбург, «принужден идти по пятам за собственной жизнью» [5, с. 61]. Композитор предпочел заботиться о настоящем и будущем русской музыки и – много шире, согласно его выражению, – настоящем и будущем «*музыки вообще*», а вместе с тем – о будущем России. Ведь будущее зависит от усилий живущих, его созидających в настоящем, тогда как прошлое уже состоялось, изменить в нем хоть что-то нельзя.

Балакирев предпочитал размышлять о «крупных вопросах» (Стасов) – об искусстве, религии, уроках истории, сопряженных с современностью, но не о себе. Это явствует из его переписки. И если бы он все-таки взялся за воспоминания, то, вероятно, сосредоточился бы на неких «воспоминаниях о будущем», каким его предчувствовал и предвидел. Точнее – на

том будущем, которого достойна Россия, и которое всё не наступало. На рубеже веков, по оценке композитора, над страной сгустились грозные тучи. Вот что, с его точки зрения, должно было находиться в поле зрения современников. На фоне судьбы России собственные мемуары Балакирева как главы направления, вероятно, казались не стоящими внимания. Уходила в прошлое его эпоха, истончалась нить собственной жизни, а не сделанного оставалось много. И он торопился подвести итоги в своём творчестве, наставить тех, кто обращался к нему за советом. «Пусть лучше *дело* всё выразит, а не слова» [2, с. 198], – вот твердое убеждение Милия Алексеевича, воспитанное литературно-критической школой В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского и, в особенности, Н.А. Добролюбова. И этому убеждению музыкант остался верен до конца своих дней. Многоликая творческая деятельность Балакирева и отразила всё, что он хотел сказать о жизни, о времени и о себе.

Наверняка, была и другая проблема, связанная с глубинами личности композитора. Его отличительная черта – исключительная правдивость. В своём кружке он предпочитал с дружеской беспощадностью говорить всё, что думал, в лицо собеседнику. Но надо ли в печатном слове выносить на общий суд не только мысли, но и душевные движения, свои и чужие? Как рассказать о тех, кто был бесконечно дорог, кто нанес, быть может, самые глубокие сердечные раны? «Я притом слишком стыдлив, чтобы выкладывать на блюдо происходящее внутри меня», – признавался Балакирев Стасову в письме от 17 мая 1863 года [2, с. 199]. В то же время как увязать правдивость с желанием деликатно обойти какие-то темы и события? Ведь не сказать – значит дать повод к неверным выводам.

Кажется, обо всём содружестве взялся написать любимый ученик Балакирева – Римский-Корсаков в «Летописи моей музыкальной жизни». По сию пору литературный труд Николая Андреевича остается ценнейшим источником сведений о той эпохе, *какой её видел автор, о его характеристиках современников, о своей и «чужой» музыке, об истории её создания*. Это проливает свет и на сложную, впечатлительную и крайне ранним личностью самого Римского-Корсакова. Музыкант счёл нужным обнародовать подведённые им жизненные итоги. Завещав опубликовать «Летопись» после своей смерти, он из-за могильной черты решил выплеснуть накопившуюся боль от несправедливостей и обид, неизбежных в каждой жизни. Его «Летопись» – исповедь, где он, уже не в музыке, а в слове, предельно открыто, без ретуши и лоска, обнажил наболевшее, что жгло и не давало покоя до конца его дней. Заполняя страницы «Летописи», Николай Андреевич позволил себе рассказать обо всём «с последней прямоотой», и даже подчеркнул своё стремление к нагой правде, как бы она ни была солоня. Разве не этому учил Балакирев, который привык без обиняков говорить ученикам всё, что думал и чувствовал? И это подогрело его конфликт с Римским-Корсаковым. В свою очередь, не попытался ли ученик, составляя «Летопись», отчасти последовать балакиревскому примеру? Однако *обсуждать* что-либо, как это было принято на собраниях «кучкистов», Римский-Корсаков не захотел. Став на рубеже веков признанным главой важной ветви петербургской композиторской школы, он *стремился первенствовать* в диалоге с Учителем, оставляя последнее слово за собой. *Таким он видел прошедшее и так оценивал его*. Составляя летопись не только своей музыкальной жизни, он явно хотел закрепить в исто-

рии собственный комментарий к прошедшим событиям, своим сложным отношениям с учителем. Поэтому Римский-Корсаков и пишет в «Летописи» о Балакиреве чаще, чем о ком бы то ни было. Тем самым музыкант невольно подчёркивает, что на протяжении всей его творческой жизни Учитель занимал огромное, незаменимое место. Желая быть объективным, Римский-Корсаков строит свое повествование по принципу «pro et contra». И за этим стоит едва ли не более важное, что проясняет подоплеку критических пассажей ученика в адрес учителя. Ещё не замечали, что Римский-Корсаков не только учился у Балакирева, причём на протяжении чуть ли не всей жизни, но и боролся с ним, чтобы стать Римским-Корсаковым – неоценимым композитором и авторитетнейшим педагогом, воспитавшим не одно поколение замечательных музыкантов. С особым вниманием он анализирует творческие и педагогические методы Балакирева, зачастую связывая их с его личностью.

Никто, кроме Римского-Корсакова, не сумел воссоздать такого детального, увиденного восторженно-влюблённым взором портрета молодого воспитателя кучкистов, какой оживает под пером ученика на страницах его «Летописи»:

«Молодой, с чудесными подвижными, огненными глазами, с красивой бородой, говорящий решительно, авторитетно и прямо, *каждую минуту* (выделено мной. – Т.З.) готовый к прекрасной импровизации за фортепиано, помнящий каждый известный ему такт, запоминающий мгновенно играемые ему сочинения, он должен был производить это обаяние как никто другой» [23, с. 30].

Педагогический же метод Балакирева бывший ученик подверг жёсткой критике. Заметим важную подробность, объясняющую, на наш взгляд, остроту сужде-

ний Римского-Корсакова: самые суровые строки об учителе Николай Андреевич вносил в тяжёлые для него минуты, когда не мог сочинять музыку, когда тускнел и весь мир вокруг него. В связи с этим выдвинем гипотезу: не в особенностях ли творческого процесса наставника и его педагогических методов воспитанник подспудно искал причины собственных неудач? Римский-Корсаков, давно ставший прекрасным Мастером, профессором Санкт-Петербургской консерватории, которого на рубеже веков стали называть главой петербургской композиторской школы, не продолжал ли искать ключи к вдохновению у Учителя? Тем более что Николаю Андреевичу казалось, что в эпоху 1860-х самого Балакирева муза не покидала никогда.

«Балакирев, *всякую минуту готовый фантазировать с величайшим вкусом на свою и чужую тему* (здесь и далее выделено мной. – Т.З.), Балакирев, *моментально схватывавший* недостатки в чужих сочинениях и *на деле готовый показать*, как следует исправить то или другое, как надо продолжать такой-то подход или как можно избежать пошлого оборота, лучше гармонизировать фразу, расположить аккорд и т. п., Балакирев, композиторский талант которого ослепительно блестел для всякого, входившего с ним в соприкосновение, – этот Балакирев сочинял чрезвычайно медленно и обдуманно» [23, с. 31].

В медлительности творческого процесса блестящего импровизатора Римский-Корсаков видел загадочное противоречие и с неодобрением писал о том, что учитель принуждал сочинять «медленно и обдуманно» не только себя, но и учеников: «живость письма и плодovitость отнюдь не одобрялись, требовалось переделывание по многу раз, и сочинение растягивалось на продолжительное время под холодным контролем самокритики»

[23, с. 31]. Кажется, ученик ставил в вину наставнику, что тот не сумел передать ученикам свой ослепительный дар, словно забыв, что врождённый талант нельзя сообщить другому.

Не раз в «Летописи» шла речь о «деспотическом характере» Балакирева, который «деспотически требовал, чтобы вкусы его учеников в точности сходились с его вкусами» [23, с. 30]. При этом Римский-Корсаков утверждал: «Балакирев, сам не прошедший какой-либо подготовительной школы, не признавал надобности в таковой и для других (выделено мной. – Т.З.)» [23, с. 33]. Однако, чуть ниже Римский-Корсаков, не замечая противоречия в своих выводах, невольно подчеркнул, что возможен не только традиционный путь обучения. Его избежал Балакирев, «добившийся всего (выделено мной. – Т.З.) своим изумительным разносторонне-музыкальным талантом и практикою, без труда и без системы» [23, с. 33].

Заложенная в натуре учителя масса «противоречий, загадочности и обаяния» привели его, по мнению автора «Летописи», к перерождению: «Балакирев 80-х годов не был Балакиревым 60-х...» [23, с. 193]. Это сказалось, как посчитал Римский-Корсаков, и на творчестве: «обаяния прежних импровизаций конца 60-х годов уже не было». Так ли? Другие поколения учеников продолжали восхищаться импровизаторским искусством учителя. Более того, у Балакирева и в поздние годы из импровизаций продолжали рождаться новые произведения, далеко не все из которых оказались перенесёнными на нотную бумагу.

«Мне не удалось, – вспоминал К.Н. Чернов, – упросить М.А. записать вариации его на “Чардаш” из оперы Верстовского “Громобой”. Как ни ничтожен сам по себе этот мотив, но под пальцами Балакирева, в его бешеных темпах, в огненных вспышках его могучего в

юности темперамента, – он производил сильное и неотразимое впечатление. М.П. К[ар]пов также разделял мои восторги. <...> Играл он ещё и какой-то необычайной красоты восточный мотив, тоже не записанный. <...> Зато мне удалось, в результате моих неоднократных, быть может, надоедливых приставаний, добиться, чтобы Балакирев записал и напечатал свое чудесное “Impromptu sur des thème de deux preludes de Fr. Chopin”» [28, с. 51–52].

Так что дело здесь явно не в Балакиреве, чьё свободное фантазирование за роялем продолжало восхищать учеников, а в самом Римском-Корсакове. Не в том ли, что Николай Андреевич, изменив своё отношение к учителю, уже не мог, как прежде, черпать собственное вдохновение в балакиревских импровизациях?

Примечательно, что последняя запись в «Летописи» датирована 22 августа 1906 года – юбилейного для Балакирева: в феврале исполнилось 50 лет его творческой деятельности, а в декабре – 70 лет со дня рождения. В связи с этим сам Балакирев не инициировал никаких торжеств, выделив юбилей творческой деятельности и скромно отметив его среди друзей – участников петербургского «Веймарского кружка» в доме Пыпиных. Никакие крупные творческие акции не были инициированы музыкальной общественностью и прежде всего – его учениками, друзьями и коллегами. Словно спохватившись после публикации Финдейзенем заметки с красноречивым названием «Забытый юбилей М.А. Балакирева» [27], Мастеру были отправлены поздравительные письма и телеграммы в связи с его семидесятилетием – от Филармонического общества в Брно, Чешского национального театра в Праге, Московской народной консерватории за подписью С.И. Танеева и других. Все эти поздравительные послания композитор сохранил в своей библиотеке, как и вырезки

с многочисленными статьями из газет, где были подведены итоги славной деятельности главы «Могучей кучки».

В иных тонах деятельность эта оказалась представленной Римским-Корсаковым в его «Летописи». Наряду с Балакиревым объектом нелицеприятной критики в «Летописи» стали Э.Ф. Направник, Г.А. Ларош, К.Н. и А.К. Лядовы, А.С. Аренский. Это вызвало неприятие многих. Уже на стадии подготовки к изданию *Попечительный Совет для поощрения русских композиторов и музыкантов*¹⁰ посчитал, что труд этот нуждается в коррекции. Н.Н. Римская-Корсакова что-либо менять отказалась и предпочла забрать рукопись.

Примечательно, что исповедь высококочтимого Учителя отказались издавать его ученики – А.К. Лядов и А.К. Глазунов, – вместе с Римским-Корсаковым, долгие годы возглавлявшие Совет. Во всяком случае, когда не стало Лядова, именно это сообщество опубликовало посвящённый его памяти сборник статей и материалов.

В начале 1909 года усилиями вдовы, согласно воле покойного, «Летопись» всё же была опубликована и сразу стала предметом обсуждения в кругу балакиревских учеников и соратников. Вот, что по этому поводу Балакирев писал Ляпунову 26 марта 1909 года:

«Во вторник у меня был Тиняков и сообщил о вышедшей книге Римского-Корсакова (автобиографии), которая, по его рассказам, представляет сплошной памфлет на меня. Характер писания как будто женская мелочность. Вначале говорится, что у меня были блестящие глаза и красивая борода. Нельзя думать, чтобы эти мои атрибуты могли интересовать Римского-Корсакова. Далее идёт руготня меня на обе корки, и мне кажется, Надежда Николаевна сделала плохую услугу своему покойному мужу изданием этой книги в *таком виде*»¹¹.

¹⁰ В статье сохраняется принятое в те годы название Попечительского совета.

¹¹ М.А. Балакирев – С.М. Ляпунову. ОР РНБ, ф. 451 (С.М. Ляпунов), оп. 2, ед. хр. 123, л. 37. Публ. впервые. Частично цит.: [9, с. 584].

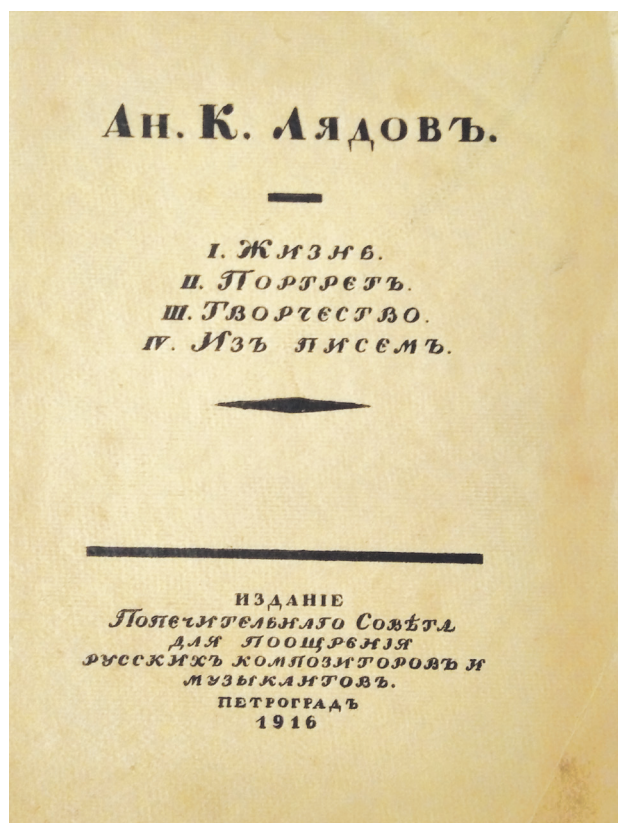

Рис. 2. Обложка сборника статей о А.К. Лядове

Сам Балакирев читать «Летопись» не стал, как не стал и возражать ученику в печати, хотя, судя по приведенному письму, был резко не согласен с его оценками и характеристиками. Ведь свою правоту педагога-новатора он давно доказал Делом: к тому времени его ученики составили гордость и славу русской и мировой музыки. Среди них самой авторитетной фигурой в России на рубеже веков был Римский-Корсаков. Неужели Учителю, совершившему этот творческий подвиг, надо было в чём-то оправдываться и спорить с любимым воспитанником? Глава школы, всегда старавшийся не афишировать внутренние разногласия с Римским-Корсаковым, чтобы не повредить совместной деятельности, и на этот раз не захотел выносить на страницы прессы свой комментарий. Возможно, Балакирев руковод-

ствовался и библейским постулатом: об ушедших в мир иной следует говорить хорошо, либо не говорить вовсе. Такова другая причина его отказа от полемики с Римским-Корсаковым по поводу высказанного им в «Летописи».

Кроме того, чтобы отвечать, потребовалось бы писать свою «Летопись». Балакирев же, как отмечалось, от публичных воспоминаний в назидание потомкам дистанцировался: не его жанр. Он предпочёл остаться композитором, главой Новой русской школы, а не автором мемуаров. Главное сказано в музыке, его и Римского-Корсакова¹².

Думается, в отношениях музыкантов крылось также нечто крайне важное. Балакирев слишком любил Римского-Корсакова, поэтому, невзирая на внешний разлад, и не думал отворачиваться от взлелеянного им композитора Римского-Корсакова, от его музыки, которая во многом была и детищем Балакирева. Как вспоминал Чернов, «когда дело касалось Н.А. Римского-Корсакова, М.А. всегда его защищал <...> относился с большим уважением и любовью» [28, с. 22].

С годами Балакирев пришел к выводу: «главная мудрость жизни – молчание»¹³. Благородное молчание Мастер предпочёл хранить и по поводу «Летописи». Но чего оно стоило Балакиреву – «самому темпераментному», по определению Стасова [11, с. 22], из семьи «кучкистов»!.. Хотя и молчание – грозное оружие. Оно демонстрировало полное несогласие с высказанным в «Летописи». Неслучайно книга эта не вошла в балакиревскую библиотеку. Тем более что композитор явно не придавал «Летописи» её сегодняшнего значения.

Впрочем, Балакирев примерно так же поступил и с написанными в другом духе

«Воспоминаниями» П.Д. Боборыкина, заявив в письме к Г.Н. Тимофееву от 21 июня 1906 года: «<...> Я не читал и не намерен их читать, особенно теперь, когда, окончив корректурные работы, я собираюсь приступить к музыкальным трудам, хотя я ещё не решил, за что мне теперь приняться» [17, с. 284]. Похоже, композитор мог бы объяснить свою позицию словами современного петербургского поэта А.С. Кушнера, который считал: «Мемуары о себе читать так же странно и ни к чему, как подслушать о себе чужой разговор. Иногда собеседник вспоминает нечто из твоей жизни, из твоих высказываний, чего ты не помнишь, а то и вовсе никогда не произносил» [12, с. 500].

Год спустя после публикации «Летописи» Милий Алексеевич отошел в мир иной. За него вступились другие. В России и за рубежом прошла целая серия концертов памяти Балакирева. Его заслуги педагога, создателя Новой русской школы в самых высоких тонах были подчеркнуты во множестве некрологов, опубликованных в России и за рубежом. Сразу были оспорены и многие позиции «Летописи» в двух обстоятельных очерках С.М. Ляпунова [14] и Б.В. Гродзкого [7]. Иную картину воспитания кучкистов нарисовал Кюи [13]. Некий итог подвел Б.В. Асафьев: «Характеристика, данная <...> в “Летописи моей музыкальной жизни” Римского-Корсакова, несправедлива, узка, на ее основании нельзя судить о Балакиреве» [1, с. 249].

И всё-таки по прошествии времени суждениям автора волшебного «Китежа» многие поверили почти безоговорочно. Перестали замечать, что «Летопись» связана с жанром воспоминаний, что выводы автора не избежали субъективности. В результате в науке утвердился целый сонм

¹² Об этом см. также: [9, с. 532–590].

¹³ М.А. Балакирев – С.М. Ляпунову. ОР РНБ, ф. 451, оп. 2, ед. хр. 100. Л. 33об. Цит. впервые.

мифов: о двух Балакиревых – до и после кризисной полосы 1870-х годов, о его деспотизме педагога, о том, что он якобы отрицал необходимость обучения как такового. Но разве это, в первую очередь, не наша вина? Ведь то знание, которое несёт «Летопись», отнюдь не окончательно, суждения Римского-Корсакова не бесспорны. Но он имел право сказать то, что считал нужным. Нам же давно пора соотносить его суждения с фактами, предоставляемыми другими источниками – хотя бы с материалами балакиревской библиотеки. Сколько учитель сохранил произведений ученика! Как внимателен был ещё и к созданному воспитанниками Римского-Корсакова! И всё это служит не только правде о Балакиреве, но и позволяет уточнить суждения Римского-Корсакова.

Примечательно наблюдение Л.Я. Гинзбург: «...В подлинном отношении к чело-

веку есть нечто, что существеннее и долговечнее несведённых счетов, раздражённого самолюбия, горечи и даже горя, это благодарность за пережитый пафос, и особенно за то, что никогда не придётся его стыдиться» [5, с. 57].

Истинно так! Римский-Корсаков был и остался гордостью Балакирева. Он продолжал жить в сердце учителя в роли «любимого чада». За Дело, которое создал *Корсинька*, за его талант, за сотворенную им музыку Балакирев прощал ему всё. И Римский-Корсаков продолжал быть верным нерушимому «святому братству» «Могучей кучки», утверждая в 1907 году, после завершения «Летописи», что он – «убеждённый кучкист» [31, с. 429], то есть *убеждённый балакиревец*, носитель идеалов и принципов школы-направления, центром которой был незабвенный Учитель.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асафьев Б.В. Их было трое... // Избр. труды. Т. III. М.: АН СССР. 1954. С. 245–252.
2. Балакирев М.А., Стасов В.В. Переписка. В 2 т. Т. 1. М.: Музыка, 1970. 488 с.
3. Балакирев М.А., Стасов В.В. Переписка. В 2 т. Т. 2. М.: Музыка, 1971. 422 с.
4. Булыгин Н.Д. Исповедь русского изобретателя. СПб.: Тип. А.А. Пороховщикова, 1898. 28 с.
5. Гинзбург Л.Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб.: Искусство – СПб., 2002. 768 с.
6. Глинка М.И. Записки. 1804–1854. СПб.: Изд. «Русской старины», 1871. 194 с.
7. Гродзкий Б.В. Милий Алексеевич Балакирев. Краткий очерк его жизни и деятельности, значение его в области развития музыки. СПб. и др.: Ю.Г. Циммерман, [1910]. [2], 78 с.
8. Зайцева Т.А. Милий Алексеевич Балакирев. Истоки. СПб.: Сударыня, 2000. 436 с.
9. Зайцева Т.А. Милий Алексеевич Балакирев. Путь в будущее. СПб.: Композитор–Санкт-Петербург, 2017. 751 с.
10. Зайцева Т.А. Сокровища России. Духовная музыка М.А. Балакирева. М.: Музыка, 2013. 384 с.
11. Ипполитов-Иванов М.М. 50 лет русской музыки в воспоминаниях. М.: Музгиз, 1934. 159 с.
12. Кушнер А.С. Волна и камень. Стихи и проза. СПб.: LOGOS, 2003. 768 с.
13. Кюи Ц.А. Первые композиторские шаги Ц.А. Кюи // Кюи Ц.А. Избр. ст. / сост., автор вступ. ст. и примеч. И.Л. Гусин. Л.: Музгиз, 1952. С. 540–548.
14. Ляпунов С.М. М.А. Балакирев // Ежегодник императорских театров. Вып. VII–VIII. СПб., 1910. С. 31–67.
15. Ляпунова О.С. Неопубликованная автобиография М.А. Балакирева // М.А. Балакирев. Личность. Традиции. Современники. Сб. ст. и материалов / ред.-сост. Т.А. Зайцева. СПб.: Композитор–Санкт-Петербург, 2004. С. 62–67.

16. Мандельштам О.Э. Шум времени. Воспоминания. Статьи. Очерки. СПб.: Азбука, 1999. 688 с.
17. Милий Алексеевич Балакирев. Воспоминания и письма / редкол.: Ю.А. Кремлев, А.С. Ляпунова, Э.Э. Фрид (отв. ред.). Л.: Музгиз, 1962. 480 с.
18. Милий Алексеевич Балакирев. Летопись жизни и творчества / сост. А.С. Ляпунова, Э.Э. Язовицкая. Л.: Музыка, 1967. 599 с.
19. Михаил Иванович Глинка в Придворной певческой Капелле. СПб.: Тип. Императорских СПб театров. Моховая, 40, 1892. 13 с.
20. Озеров Д.А. Отец Иоанн Кронштадтский: (личные воспоминания). [Б. м.]: [Б. и.], [19–]. 8 с.
21. Полное собрание писем М.И. Глинки / собр. и изд. Н.Ф. Финдейзен. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, [1907]. 568 с.
22. Преображенский Г.Н. Воспоминания об Елизавете Павловне Шиповой, первой начальнице Ярославского женского духовного училища Духовного ведомства (1845–1883). Ярославль: Тип. Губ. правл., 1884. 136 с.
23. Римский-Корсаков Н.А. Летопись моей музыкальной жизни. 9-е изд. М.: Музыка, 1982. 440 с.
24. Смирнов С.А. К воспоминаниям о С.П. Боткине и Ф.И. Иноземцеве: [Прибавление к XLIII заседанию Русского бальнеологического общества в Пятигорске]. [Б. м.]: [Б. и.], [19–]. 9 с.
25. Финдейзен Н.Ф. Автобиографические заметки М.А. Балакирева // РМГ. 1910. № 41. Стб. 861–862.
26. Финдейзен Н.Ф. Дневники. 1892–1901 / подг. к публ. М.Л. Космовской. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 428 с.
27. Финдейзен Н.Ф. Забытый юбилей М.А. Балакирева (к 50-летию его артистической деятельности: 1856–1906) // РМГ. 1906. № 17. Стб. 425–429.
28. Чернов К.Н. Милий Алексеевич Балакирев (По воспоминаниям и письмам) // Музыкальная летопись. Статьи и материалы. Сб. 3 / под ред. А.Н. Римского-Корсакова. Л.; М.: Мысль, 1925.
29. Шестакова Л.И. Былое М.И. Глинки и его родителей. СПб.: Тип. Имп. СПб. театров, 1894. 47 с.
30. Эккерман И.П. Разговоры с Гёте. М.: Худ. литература, 1981. 667 с.
31. Ястребцев В.В. Николай Андреевич Римский-Корсаков. Воспоминания В 2 т. Т. 2: 1898–1908 / под общ. ред. А.В. Оссовского. Л.: Музгиз, 1960. 634 с.
32. Karłowicz M. Niewydane dotychczas pamiatki po Chopinie. [Переписка]. [Warszawa]: Skład glówny w księgarni J. Fiszer, 1904. 403 S.

Об авторе:

Зайцева Татьяна Андреевна, доктор искусствоведения, профессор, Санкт-Петербургская государственная консерватория имени Н.А. Римского-Корсакова (190068, Санкт-Петербург, Россия), **ORCID: 0000-0001-8971-7558**, vonhase@mail.ru

REFERENCES

1. Asaf'ev B.V. Ikh bylo troe... [There Were Three of Them...]. *Izbrannye trudy. Tom III* [Selected Works. Vol. III]. Moscow: Akademiya nauk SSSR, 1954, pp. 245–252.
2. Balakirev M.A., Stasov V.V. *Perepiska. V 2 tomakh. Tom 1* [Balakirev M.A., Stasov V.V. Correspondence. In 2 volumes. Vol. 1]. Moscow: Muzyka, 1970. 488 p.
3. Balakirev M.A., Stasov V.V. *Perepiska. V 2 tomakh. Tom 2* [Balakirev M.A., Stasov V.V. Correspondence. In 2 volumes. Vol. 2]. Moscow: Muzyka, 1971. 422 p.
4. Bulygin N.D. *Ispoved' russkogo izobretatelya* [Confessions of a Russian Inventor]. St. Petersburg: Tipografiya A.A. Porokhovshchikova, 1898. 28 p.

5. Ginzburg L.Ya. *Zapisnye knizhki. Vospominaniya. Esse* [Notebooks. Memories. Essays]. St. Petersburg: Iskustvo – Sankt-Peterburg, 2002. 768 p.
6. *Glinka M.I. Zapiski. 1804–1854* [Glinka M.I. Memoirs. 1804–1854]. St. Petersburg: Izdatel'stvo «Russkoy stariny», 1871. 194 p.
7. Grodzkiy B.V. *Miliy Alekseevich Balakirev. Kratkiy ocherk ego zhizni i deyatel'nosti, znachenie ego v oblasti razvitiya muzyki* [Mili Alekseevich Balakirev. A brief sketch of his life and activities, the importance of him in the development of music]. St. Petersburg and others: Yu.G. Tsimmerman, [1910]. [2], 78 p.
8. Zaytseva T.A. *Miliy Alekseevich Balakirev. Istoki* [Mili Alekseevich Balakirev. Origins]. St. Petersburg: Sudarynya, 2000. 436 p.
9. Zaytseva T.A. *Miliy Alekseevich Balakirev. Put' v budushchee* [Myliy Alekseyevich Balakirev. The Way to the Future]. St. Petersburg: Kompozitor–Sankt-Peterburg, 2017. 751 p.
10. Zaytseva T.A. *Sokrovishcha Rossii. Dukhovnaya muzyka M.A. Balakireva* [Treasures of Russia. Spiritual music of M.A. Balakirev]. Moscow: Muzyka, 2013. 384 p.
11. Ippolitov-Ivanov M.M. *50 let russkoy muzyki v vospominaniyakh* [50 Years of Russian Music in memoirs]. Moscow: Muzgiz, 1934. 159 p.
12. Kushner A.S. *Volna i kamen'. Stikhi i proza* [Wave and Stone. Poems and prose]. St. Petersburg: LOGOS, 2003. 768 p.
13. Kyui Ts.A. *Pervye kompozitorskie shagi Ts.A. Kyui* [C.A. Cui's First Compositional Steps]. *Kyui Ts.A. Izbrannye stat'i* [Cui C.A. Selected Articles]. Compilation, introductory article and notes by I.L. Gusin. Leningrad: Muzgiz, 1952, pp. 540–548.
14. Lyapunov S.M. *M.A. Balakirev* [M.A. Balakirev]. *Ezhegodnik imperatorskikh teatrov. Vypusk VII–VIII* [Yearbook of the Imperial Theatres. Issue VII–VIII]. St. Petersburg, 1910, pp. 31–67.
15. Lyapunova O.S. *Neopublikovannaya avtobiografiya M.A. Balakireva* [Unpublished autobiography of M.A. Balakirev]. *M.A. Balakirev. Lichnost'. Traditsii. Sovremenniki. Sbornik staty i materialov* [M.A. Balakirev. Personality. Traditions. Contemporaries. Collection of articles and materials]. Edited by T.A. Zaytseva. St. Petersburg: Kompozitor–Sankt-Peterburg, 2004, pp. 62–67.
16. *Mandel'shtam O.E. Shum vremeni. Vospominaniya. Stat'i. Ocherki* [Mandelstam O.E. The Noise of Time. Memories. Articles. Essays]. St. Petersburg: Azbuka, 1999. 688 p.
17. *Miliy Alekseevich Balakirev. Vospominaniya i pis'ma* [Mili Alekseevich Balakirev. Memories and letters]. Editorial board: J.A. Kremlev, A.S. Lyapunova, E.E. Frid (responsible editor). Leningrad: Muzgiz, 1962. 480 p.
18. *Miliy Alekseevich Balakirev. Letopis' zhizni i tvorchestva* [Mili Alekseevich Balakirev. A chronicle of life and creative works]. Compiled by A.S. Lyapunova, E.E. Yazovitskaya. Leningrad: Muzyka, 1967. 599 p.
19. *Mikhail Ivanovich Glinka v Pridvornoy pevcheskoy Kapelle* [Mikhail Ivanovich Glinka at the Court Singing Chapel]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskikh Sankt-Peterburgskiy teatrov. Mokhovaya, 40, 1892. 13 p.
20. Ozerov D.A. *Otets Ioann Kronshtadtskiy: (lichnye vospominaniya)* [Father John of Kronstadt: (Personal memoirs)]. [Bez mesta]: [Bez izdatel'stva], [19–]. 8 p.
21. *Polnoe sobranie pisem M.I. Glinki* [Complete Collection of Letters of M.I. Glinka]. Collected and published by N.F. Findeizen. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, [1907]. 568 p.
22. Preobrazhenskiy G.N. *Vospominaniya ob Elizavete Pavlovne Shipovoy, pervoy nachal'nitse Yaroslavskogo zhenskogo dukhovnogo uchilishcha Dukhovnogo vedomstva (1845–1883)* [Memoirs About Elizabeth Pavlovna Shipova, the first head of Yaroslavl theological female school for clergy (1845–1883)]. Yaroslavl: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1884. 136 p.

23. Rimskiy-Korsakov N.A. *Letopis' moey muzykal'noy zhizni. 9-e izdanie* [Rimsky-Korsakov N.A. Chronicle of my musical life. 9th edition]. Moscow: Muzyka, 1982. 440 p.
24. Smirnov S.A. *K vospominaniyam o S.P. Botkine i F.I. Inozemtseve: [Pribavlenie k XLIII zasedaniyu Russkogo bal'neologicheskogo obshchestva v Pyatigorske]*. [To Memoirs of S.P. Botkin and F.I. Inozemtsev: [Addendum to XLIII meeting of the Russian Balneological Society in Pyatigorsk]]. [Bez mesta]: [Bez izdatel'stva], [19–]. 9 p.
25. Findeyzen N.F. Avtobiograficheskie zametki M.A. Balakireva [Autobiographical Notes of M.A. Balakirev]. *Russkaya muzykal'naya gazeta* [Russian Musical Newspaper]. 1910. No. 41. Columns 861–862.
26. Findeyzen N.F. *Dnevnik. 1892–1901* [Diaries. 1892–1901]. Prepared for publication by M.L. Kosmovskaya. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2004. 428 p.
27. Findeyzen N.F. Zabytyy yubiley M.A. Balakireva (k 50-letiyu ego artisticheskoy deyatel'nosti: 1856–1906) [Forgotten Jubilee of M.A. Balakirev (to the 50th anniversary of his artistic activity: 1856–1906)]. *Russkaya muzykal'naya gazeta* [Russian Musical Newspaper]. 1906. No. 17. Columns 425–429.
28. Chernov K.N. Miliy Alekseevich Balakirev (Po vospominaniyam i pis'mam) [Mily Alekseevich Balakirev (by memoirs and letters)]. *Muzykal'naya letopis'. Stat'i i materialy. Sbornik 3* [Musical chronicle. Articles and materials. Collection 3]. Edited by A.N. Rimsky-Korsakov. Leningrad; Moscow: Mysl', 1925.
29. Shestakova L.I. *Byloe M.I. Glinki i ego roditeley* [Genesis of M.I. Glinka and His Parents]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskiykh Sankt-Peterburgskikh teatrov, 1894. 47 p.
30. Ekkerman I.P. *Razgovory s Gete* [Conversations with Goethe]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1981. 667 p.
31. Yastrebtsev V.V. *Nikolay Andreevich Rimskiy-Korsakov. Vospominaniya. V 2 tomakh. Tom 2: 1898–1908* [Nikolai Andreyevich Rimsky-Korsakov. Memoirs. In 2 volumes. Vol. 2: 1898–1908]. Edited by A.V. Ossovsky. Leningrad: Muzgiz, 1960. 634 p.
32. Karłowicz M. *Niewydane dotychczas pamiatki po Chopinie* [Perepiska] [Correspondence]. [Warszawa]: Sklad glowny w ksiegarni J. Fiszera, 1904. 403 S.

About the author:

Tatyana A. Zaitseva, DrSci, Professor, Saint-Petersburg N.A. Rimsky-Korsakov State Conservatory, **ORCID: 0000-0001-8971-7558**, vonhase@mail.ru

